

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич***В. А. ЖУКОВСКИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**
(итоги и перспективы изучения наследия поэта
в Томском государственном университете)

На пороге XXI в. можно без всяких оговорок сказать, что поэзия В. А. Жуковского прошла “веков завистливую даль”. Более того — бурный всплеск после юбилейного 1983 г. интереса к его наследию и личности: многочисленные публикации его дневников, эпистолярия, меуарных свидетельств, критико-эстетической прозы и новых поэтических текстов, переводов Священного Писания позволили открыть нового Жуковского, почувствовать масштаб его личности и творчества. Еще В. Г. Белинский прозорливо заметил, что поэзия Жуковского — “целый период нравственного развития нашего общества” [1]. Сегодня можно констатировать, что наследие Жуковского во всем его объёме (еще не всегда нами ощущаемом) — это эпоха в развитии русской культуры вообще. Великий русский поэт, “Коломб романтизма в поэзии” и “гений перевода”, автор уникальных дневников франклинового типа и замечательный русский мыслитель, религиозный философ и просветитель, воспитатель царя-реформатора Александра II и автор национального гимна России, оригинальный художник и полпред русской культуры на Западе — эти и многие другие грани его энциклопедического дарования еще ждут своего открытия и документальной конкретизации.

Попытаемся выявить и определить наиболее актуальные проблемы изучения творческого наследия и личности поэта именно сегодня, на рубеже XXI века.

I. Одним из важнейших вопросов по-прежнему остаётся проблема национального значения поэзии первого русского романтика. Хотя обвинения В. А. Жуковского в “отсутствии оригинальности”, в подражательности, в преобладании переводов над собственными творениями ушли в прошлое, тем не менее эстетическая природа творческой индивидуальности поэта, масштабов его новаторства, характер его традиций до сих пор не осмыслены на должном уровне. Еще А. Н. Веселовский, стоявший у истоков отечественной науки о Жуковском, проницательно заметил: “Для нас важно то, что Жуковский давал в чужом не только своё, но и всего себя” [2]. Это методологическое положение позволяет видеть в стихотворениях Жуковского не “чужое” и “свое”, а оригинальный синтез новых идей и форм, позволяющий говорить о программных его произведениях (элегиях, балладах, идиллиях, посланиях, песнях) как об эстетических манифестах новой поэзии. Сама форма эстетической рефлексии, особенно отчетливо обозначившаяся в группе стихотворений 1818–1824 гг. (“Явление поэзии в виде Лалла Рук”, “Лалла Рук”, “Таинственный посетитель”, “К мимо пролетевшему знакомому гению”, “Невыразимое”, “Море”, “Я музу юную, бывало...” и др.), проясняет оригинальность и

масштаб творческой индивидуальности Жуковского и жизненность его традиции не только в романтической поэзии 1820–1830-х годов, но и в русском символизме. Ведь не случайно Вл. Соловьев называл “Сельское кладбище” “родиной русской поэзии”, а А. Блок считал Жуковского своим первым учителем. Само слово “символ”, введённое Жуковским и занимающее большое место в его поэтическом лексиконе, определяет природу символическо-мифологического его мышления. Только рецидивы социологического мировоззрения не позволяют нам до конца прояснить, какую революцию в области стихосложения, языка и форм поэзии произвёл Жуковский своими поэтическими опытами.

В этом же отношении показателен и путь Жуковского к эпосу, когда эпические образцы поэзии народов мира (и “Слово о полку Игореве”, и “Одиссея”, и “Божественная комедия”, и индийский и персидский эпос) мыслятся как гуманистическая проповедь, способствующая сближению поэзии и прозы, национального и общечеловеческого.

Сегодня, как никогда остро, стоит вопрос о поэтической традиции Жуковского, о значении его открытий не только для последующей поэзии, прежде всего поэзии “серебряного века”, но и для прозы (от Лермонтова и Гоголя, Тургенева и Достоевского до А. Белого и М. Булгакова). Количественное накопление материала должно привести и к серьёзному качественному скачку в этом направлении.

II. Органично с решением этой проблемы связан вопрос о месте Жуковского в истории русской общественной мысли вообще, и, в частности, в истории русской религиозной философии. Открытие и публикация новых материалов, связанных с кругом чтения поэта, систематизация его дневникового и эпистолярного наследия убедительно доказывают, что первый русский романтик стоял у истоков русской религиозной философии. Его учёба в Московском благородном пансионе неразрывно связана с идеологией позднего масонства в лице И. В. Лопухина, И. П. Тургенева, с их философией “добродетели” и “внутренней церкви”, с формой франклиновых дневников, остро поставивших задачу самоусовершенствования и “внутреннего человека”. Эта этико-религиозная концепция будет последовательно отражена в прозе и поэзии периода “Вестника Европы”, в доктрине “нравственной пользы поэзии”. Последующее обращение к философии и эстетике руссоизма, к “Гению христианства” Шатобриана, к идеям Юма и образной системе немецкой идеалистической философии (Фихте, Шеллинг, Фридрих Шлегель, Гердер, Жан Поль) активизировали в его творчестве религиозную эстетизацию искусства. Концепция “божественного служения” искусству, “гения чистой красоты”, “таинственного занавеса”, невыразимого, отчетливо заявленная в его поэтических манифестах, перерастает в идею “божественного откровения” когда “поэзия религии сестра родная”. Позднее творчество Жуковского (его драматическая повесть “Камознс”, поэма “Ага-сфер”, книга “Мысли и замечания”, где выделен специальный раздел о “христианской философии”, переписка с Гоголем, последовательная публикация сочинений на страницах “Москвитянина”, общение с Киреевским, Хомяковым, Самариным, перевод Священного Писания) обнаруживает в его мирозерцании последовательно выраженные идеи “христианской философии”. И в этом смысле вопрос о его взаимоотношениях с Гоголем и Чаадаевым, славянофилами актуализирует проблему Жуковского как религиозного мыслителя, стоящего у истоков целого направления русской мысли.

III. Вместе с тем острее встаёт и вопрос о месте Жуковского и его творчества в истории русской общественной мысли вообще. Теперь стало ясно, сколь значим был для русской культуры сам нравственный облик Жуковского, учителя и воспитателя целого поколения русской литературы, её “ангела-хранителя”. История его отношений с декабристами и Герценом, Пушкиным и Лермонтовым, Баратынским и Кольцовым, Гоголем и Шевченко, с многочисленными деятелями русской культуры проясняет масштаб его общественных деяний, природу его просветительства и своеобразие его монархизма, который, по словам современного исследователя русской общественной мысли, был уж очень “какой-то подозрительный” [3]. “Певец во стане русских воинов” и один из идеологов и вдохновителей “Арза-маса”, ходатай перед царём за всех “униженных и обиженных”, получивший даже в придворных кругах титул “вождя оппозиции”, автор “Записки о Н. И. Тургеневе” и острейших писем к Бенкендорфу о закрытии “Европейца” и “Последних днях Пушкина”, Жуковский заслуживает не просто большего к себе внимания и уважения, но и даёт огромный материал для историков русской общественной мысли. Его беседы и переписка с виднейшими деятелями европейской общественной мысли, в том числе штудирование сочинений Гизо, Шатобриана, Жомини, Радовица, Сильвио Пеллико и др., позволяют расширить представление о характере русско-европейских общественных и литературных связей. Нельзя в этом контексте забывать об оригинальной педагогической системе Жуковского, опирающейся на всё наследие европейского просветительства (от Фенелона и Руссо до Песталоцци и Арндта). И уж конечно, в этом же контексте переводческая деятельность Жуковского, его “русский Шиллер”, “русский Гёте”, “русский Байрон и Вальтер Скотт”, “русский Уланд и Гебель” обретут необходимый историко-литературный и общественный масштаб. Эстетические размышления Жуковского, опирающиеся на всё наследие европейского романтизма и как бы перелагающие его на язык русской культуры (вспомним его критико-эстетические манифесты “О басне и баснях Крылова”, “О сатире и сатирах Кантемира”, “О переводах вообще...”, “Рафаэлева мадонна”, “О поэте и современном его значении” и др.), не случайно появлялись на страницах популярных изданий, таких как “Полярная звезда” и “Вестник Европы”, “Московский телеграф” и “Москвитянин”. Эстетика и критика Жуковского становились органической частью русской общественной мысли.

К сожалению, рамки этой статьи не позволяют актуализировать другие аспекты деятельности Жуковского и его жизненности на рубеже XXI в. Поэтому попытаемся конкретизировать некоторые заявленные положения и намеченные проблемы в деятельности кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета по изучению личности и творческого наследия поэта.

За 20 лет кафедра стала поистине научным центром по изучению Жуковского. Трёхтомная коллективная монография “Библиотека В. А. Жуковского в Томске” (1978–1988), удостоенная Государственной премии России в области науки за 1991 г., 4 монографии о различных аспектах творческой деятельности поэта и около 100 статей, семинарий по Жуковскому “Эстетика и критика”, “Жуковский в воспоминаниях современников”, “Дневники Жуковского” — всё это этапы того труда, который был проделан коллективом вузовской кафедры. Всматриваясь в этот процесс постижения Жуковского, сегодня можно подвести и некоторые итоги, и наметить реальные перспективы.

4. Вестник ТГУ. Гуманитарный специальный выпуск. Январь 1998.

Трёхтомная коллективная монография “Библиотека Жуковского в Томске” не случайно стала точкой отсчёта для дальнейших исследований. Именно здесь коллективными усилиями вырабатывалась та методология подхода к наследию поэта, которая стала плодотворной и перспективной. Разнообразный материал помет Жуковского, включающий и целые этико-философские трактаты, и эстетические этюды, и творческие замыслы, осмысленный в контексте большого архивного материала и спроецированный на творческое наследие поэта, убедительно доказал необходимость и важность системного подхода к изучению его творческой эволюции. В разные периоды творческого развития поэта активно функционировали те или иные “ряды” его системы, что определялось и духом времени, и личными устремлениями поэта.

Библиотека поэта, круг его чтения позволил конкретизировать динамику самого творческого процесса, наглядно увидеть его мировоззренческие установки. Так, пристальный интерес молодого Жуковского к проблемам морали — выражение его гигантской работы по самоусовершенствованию, путь к психологической лирике.

Глубокое и целенаправленное чтение и штудирование в 1805–1810 гг. сочинений европейской эстетики и созданный на основе этого чтения “Конспект по истории литературы и критики” позволяют ощутимее почувствовать процесс перестройки художественного сознания молодого поэта, его путь к философии “внутреннего человека” и поэтике “театра страстей”. Системное исследование этого процесса, через синтез читательских помет, экстрактов, планов, конспектов, статей для “Вестника Европы”, редактором которого в 1808–1810 гг. становится Жуковский, даёт возможность увидеть истоки нового мирозерцания автора баллад — этих “маленьких драм” и философских этюдов на темы преступления и наказания, борьбы человека с судьбой и его самостояния.

Уроки исследования библиотеки поэта разнообразны и по своему значению, и по последствиям для будущих разысканий.

1. Стала очевидной энциклопедическая масштабность интересов поэта, его глубокая увлечённость проблемами философии, психологии, общественно-политической мысли, педагогики и воспитания, эстетики и религии. Круг чтения Жуковского самого разного времени — от 1800-х до 1840-х гг. — выявляет динамику этих интересов и их связь с поэтическими поисками Жуковского — элегика и балладника, идиллика и автора поэм, драматических опытов, эпика и прозаика, критика и публициста, с деятельностью религиозного философа и просветителя.

На большом, ранее не исследовавшемся материале архива, творчества Г. С. Батенькова, В. К. Кюхельбекера, личной библиотеки В. А. Жуковского необходимо осмыслить органичную связь нравственно-эстетических исканий русского романтизма с религией, показать взаимопроникновение религиозного и художественного сознания, предопределившее новые нравственные и эстетические возможности в художественном постижении человека, новый психологизм с ориентацией на “внутреннее” слово, сакральное в своей сути, на расширение этического пространства образа.

Важнейшей методологической проблемой, на которой следует акцентировать особое внимание, является проблема природы человека, сути особого художественного антропологизма, явившегося результатом преодоления абсолютизации причинно-следственной связи в постижении мира и утверждения высшего онтологического (и даже

космического) статуса человека. Усиление сакрализации слова, его символично-мифологической природы в творчестве Жуковского и Гоголя во многом определит путь художественной литературы не только к Толстому и Достоевскому, но и предскажет важнейшее направление художественного развития XX в.

2. Осмысление круга чтения как динамичной системы выявило неразрывную связь Жуковского — поэта и мыслителя, показало глубокое взаимодействие его личности и творчества, характер романтического жизнестроительства и жизнестроительства, то, что он афористически определил сам: “Жизнь и Поэзия одно”. Каждое из звеньев этого жизнестроительства обнаруживало сложность и противоречивость позиции Жуковского. Так, многочисленные свидетельства интереса поэта к событиям Великой Французской революции, к личности Наполеона, к революционным процессам 1848 г., очевидцем которых был он сам, и к сочинениям Французской романтической историографии (Гизо, Тьерри, Барант, Минье и др.) позволяет говорить о сложной системе взглядов, о своеобразии его оппозиционности, и об оригинальности творческих синтезов (появление в “Агасфере” рядом с образом библейского мученика фигуры Наполеона).

3. Наблюдения над теорией и практикой переводческой деятельности Жуковского, следы которой запечатлены на страницах переводимых сочинений (новый обнаруженный перевод “Романсов о Сиде”, наброски первых терцин перевода “Божественной комедии” и первых строк “Потерянного рая” Мильтона, драматических отрывков из Шиллера, Вернера, Софокла), конкретизируют сам процесс переосмысления источника перевода, включения его в различные новые контексты, эксперименты над формой и стихом (например, опыт создания “Книги повестей для юношества”, “Малой Илиады” — “Ахиллиады”, поэтические переложения романтической прозы Людвиг Тика, Ламонт-Фуке, фольклорных сказаний, поиск стиха для “Романсов о Сиде” и т.д.).

Можно и далее конкретизировать уроки этой своеобразной и плодотворной коллективной работы, давшей свои результаты в других трудах представителей томской филологической школы.

Стало несомненным одно: стереотип восприятия Жуковского как реакционного романтика, как поэта лишь первых десятилетий XIX в., как придворного поэта разрушен раз и навсегда, всякие рецидивы возвращения к подобному стереотипу вряд ли сегодня уже могут кого-либо удовлетворить.

Активизация интереса к творчеству Жуковского, пик которой падает на конец 1980-х — начало 1990-х гг. (кроме названных трудов представителей томской школы, необходимо назвать биографическую книгу Виктора Афанасьева “Жуковский” в серии ЖЗЛ, монографию Р. В. Иезуитовой “Жуковский и его время”, работы Ю. Д. Левина о Жуковском-переводчике, главу из книги В. Э. Вацура об его элегической поэтике и работу о балладах Жуковского Андрея Немзера, серьёзные исследования немецких славистов, прежде всего Хильдегард Эйхштадт и Дитриха Герхардта, обращение к творчеству Жуковского С. С. Аверинцева и Ю. М. Лотмана и т. д. [4]), со всей очевидностью свидетельствует о том, что пришло его время.

В сегодняшних размышлениях о судьбах русской религиозной философии и русской идеи, о генезисе поэзии “серебряного века”, о месте и значении перевода в национальной культуре, о соотношении национального и общечеловеческого наследия первого русского романтика занимает свое вполне определенное и значимое место. Доста-

точно сказать, что собранные вместе дневники, письма-дневники и записные книжки (объемом около 100 п.л.), отражающие почти 50 лет его жизни, являются своеобразной летописью русского и во многом европейского общественного и литературного процесса 1800–1840-х гг. И это лишь одно свидетельство и подтверждение того, как остро на рубеже ХХI в. назрела потребность в систематизации всего творческого наследия Жуковского, а точнее — издания Полного собрания его сочинений.

Идея издания Полного собрания сочинений Жуковского, конечно, возникла не случайно: она итог и результат той деятельности кафедрального коллектива ТГУ, о которой было сказано выше. Можно без преувеличения сказать, что была подготовлена почва для такого проекта: систематизировано “поэтическое хозяйство” Жуковского, составлены картотеки его переписки, библиография литературы о нём, выработаны определённые эдические принципы в процессе работы над изданием его эстетики и критики, дневников, материалов читательских конспектов.

Необходимость в таком издании очевидна: творческое наследие Жуковского до сих пор не собрано и не издано во всём своём масштабе и с необходимой научной основательностью. И наиболее полное дореволюционное издание Жуковского в 12-ти тт. 1902 г. под ред. А. С. Архангельского, и 4-томное послереволюционное под ред. Н. В. Измайлова и И. М. Семенко в силу целого ряда обстоятельств не могут отвечать этим требованиям.

Предполагаемое издание будет состоять из 20 томов, 7 из которых будут содержать его стихотворные опыты, 8-й — впервые собранные вместе драматургические опыты, 9–15-й — прозаические, начиная от пансионских опытов 1797–1800 гг. до поздней публицистики, в том числе прозаические переводы, том эстетики и критики, два тома дневников. Наконец, пять томов (16–20-й) будет отведено эпистолярию, наиболее сложной для издания части его наследия из-за своей несобранности и слабой текстологической подготовки (купюры, искажения и т. д.).

Подобная структура издания позволяет осуществить его двумя сериями: стихотворные тексты (1–8 тт.) и прозаические (9–20), с параллельной подготовкой и выходом в свет очередных томов. Издание рассчитано на 1997–2007 гг.

Говоря о типе и характере издания, необходимо сразу заметить, что оно будет по возможности Полным, насколько это сегодня возможно (достаточно сказать, что количество новых текстов будет значительно и составит почти четверть издания; много будет существенных уточнений в комментариях, связанных с историей текста, источниками перевода и т. д.), но вряд ли оно сможет претендовать на академическое.

Само сегодняшнее состояние текстологии Жуковского (разбросанность текстов по разным архивам, неясность с характером последнего, пятого, прижизненного собрания сочинений, имеющего ряд существенных ошибок в текстах, датировке), отсутствие в прижизненном издании целого ряда текстов, находящихся в архивах и требующих обоснования датировки, установления источника перевода, наконец неясность с характером и просто наличием вариантов, редакций, беловых автографов — все это не позволяет по возможности Полное собрание сочинений Жуковского сделать академическим.

Задача авторского коллектива — максимально подготовить материалы для будущего подобного издания уже в ХХI веке. И в этом

смысле вся деятельность кафедрального коллектива и добровольцев из других научных центров, занимающихся Жуковским, направлена на решение этой грандиозной и очень важной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1955. Т. 7. – С. 241.
2. Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”. – СПб., 1904. – С. 504.
3. Гиллельсон М. И. О друзьях Пушкина // Звезда. 1975, № 2. – С. 212.
4. См.: Афанасьев В. В. Жуковский. – М., 1986; Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. – Л., 1989; Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века. – Л., 1985 (гл. 1 “В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии”); Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. – СПб., 1994; Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг свершив... – М., 1987; Eichstädt H. Zukoskiy als Uebersetzer. – München, 1970; Gerhardt D. Aus deutschen Erinnerungen an Zukovskiy, mit einigen Exkursen // Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geb., – München, 1966. – S. 245-313; Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // В его кн.: Поэты. – М., 1996. – С. 137-16; Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. Указ. имен.

Н. Е. Разумова

“СТЕПЬ” ЧЕХОВА: ВАРИАНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОВЕСТИ

Повесть Чехова “Степь” пережила немало интерпретаций (в поэтическом, жанровом, социологическом и других аспектах) и ныне трактуется прежде всего как своего рода лирическая эпопея — “повесть о русской земле”, по выражению автора одной из последних работ на эту тему — М. Громова [1]. Заявляя в сюжете “Степи” “универсальную концепцию повествования о жизни”, М. Громов связывает её с “метафорой пространства русской истории”. “Степь” рассматривается им как проблемно-тематический и жанрово-поэтический синтез национальной традиции, “в точном смысле этого слова “энциклопедия русской жизни” [1, С. 196].

Во многом сходных позиций придерживается американский литературовед Р.–Л. Джексон, трактующий “Степь” как “спор с негативным мифом о русском пространстве” [2], утверждение “основополагающих ценностей русского человека и русской природы в самых мрачных условиях” [2, С. 9]. Оптимистическую трактовку повести Джексон, совершенно в духе советского литературоведения последних десятилетий, связывает с “путешественниками из числа простых русских людей (Дымов, Кирюха, Емельян и другие)” [2, С. 15], а также с авторским поэтическим видением, которое исследователь противопоставляет “простому, всегда рецептивному видению Егорушки”, отражающему “недостаток ориентации маленького человека в русском пространстве” [2, С. 16]. Резюмируя свой анализ, Джексон отмечает в повести общность с “эстетикой пространства эпохи модерна” — сложного по структуре, но в основе пронизанного “вселенским движением” [2, С. 16], частью которого является русская история. Как и Громов, Джексон по сути сводит содержание повести к национально-исторической проблематике.

Мы попытаемся взглянуть на “Степь” в другом аспекте, связанном с движением философских представлений Чехова и предполагающем более широкий масштаб осмыслений сюжета.

Повесть была написана в период затяжного духовного кризиса, переживаемого Чеховым во второй половине 1880-х годов. Сутью его было мучительное представление о разделённости человека и мира, лишавшей смысла человеческую жизнь. Художественным проявлением этого кризиса стало преобладание в творчестве этого периода образа степи как модели пространственного построения сюжетов. Исконный для русской литературы образ разрабатывался Чеховым в трагическом ключе — как воплощение непостижимого для человека и